

ризма, но в современных условиях он сохраняет значимость как одна из основных точек отсчета социально ответственного мышления. И в этой связи возвращение к текстам Маркса и шире – к истории «левой» мысли представляется одной из насущных задач.

¹ См.: Марксизм: pro и contra. М., 1992; Howard D. Marxism in the Post-Communist World // Critical Horizons. Feb. 2000. Vol. 1. Iss. 1; Lafferty G. The Dynamics of Change: Class, Politics and Civil Society – From Marx to Post-Marxism // Democracy & Nature. Mar. 2000. Vol. 6. Iss. 1; Tormey S. Post-Marxism, Democracy and the Future of Radical Politics // Democracy & Nature. Mar. 2001. Vol. 7. Iss. 1.

² Подорога В.А. Можно ли отделить мысль Маркса от тоталитарной идеологии? // Марксизм: pro и contra. М., 1992. С. 133.

³ См.: Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994; Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996. С. 6; Assoun P.-L. Crise du sujet et modernité philosophique: Marx, Nietzsche, Freud // Encyclopédie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 731–738.

⁴ См.: Labica G. Le marxisme: orthodoxie et hétérodoxie // Encyclopédie philosophique universelle. Paris, 1989. Vol. 1. P. 313.

⁵ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Там же. С. 62–63.

⁹ James S. Louis Althusser // The Return of Grand Theory in the Human Sciences. Camb., 1994. P. 143.

¹⁰ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 31.

¹¹ Tormey S. Ibid. P. 122.

¹² См.: Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. New York, 1985.

¹³ См.: Castoriadis C. Imaginary Institution of Society. Camb., 1987.

Поступила в редакцию 02.06.2003.

Ольга Феликсовна Оришева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор, декан факультета философии и социальных наук А.И. Зеленкова.

М.Н. ГОЛУБЕВА

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ: КЛАССИЧЕСКИЙ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА

Рассматривается влияние классического и неклассического типов рациональности на исследование власти. Выявляются характерные объяснительные схемы и категории, смысловое и тематическое поля анализа данного социального феномена.

The article considers the influence of classical and nonclassical types of rationality on the study of power. Characteristic explanatory schemes and categories, a semantic and thematic fields of the analysis of the given social phenomenon are revealed.

Для современной философии и методологии науки характерным является выделение классического и неклассического типов рациональности и соответственно этапов развития философской и научной мысли. Особый тип мышления, порожденный классическим типом рациональности, распространился за пределы теории познания и в равной степени был характерен для анализа всех остальных сфер жизни человека, включая интерпретацию социальных явлений, а также власти. Задача данной работы – выявление исходных посылок классической и неклассической парадигм исследования данного феномена.

В качестве ключевых принципов, на которых базируется классический тип философствования, отмечаются следующие:

- логоцентризм или характерный для него логический тип рациональности;
- метафизическая установка, связанная с ориентацией на постижение конечных причин и оснований реальности;
- априоризм, опирающийся на претенциозную установку на достижение системного и завершенного знания о естественно упорядоченной, гармоничной и разумной системе «мир – человек»;

• принцип трансцендентализма, предполагающий понимание субъекта как автономного, абсолютного наблюдателя, как конечного и последнего источника всех содержаний сознания¹.

Данный тип рациональности, несомненно, получил свое отражение в интерпретации социальных явлений и власти как одного из важных феноменов социальной жизни. Прежде всего власть понимается как особое отношение, взаимодействие, которое чаще всего рассматривается и анализируется с использованием знаковой для классического типа философствования субъект-объектной схемы. Субъект власти, в качестве которого может выступать как отдельный человек, группа, так и целый социальный институт, предстает как начало активное, оказывающее определенное воздействие. В свою очередь, объект власти является началом пассивным, претерпевающим данное воздействие. В этой связи следует особо отметить понимание сознания: его «прозрачность» для самого познающего субъекта, а также сводимость всех его слоев и уровней к единому рациональному центру. Другими словами, человеческая субъективность трактуется как «чистая», познающая инстанция и в то же время как привилегированное начало мира, находящееся вне каких-либо систем отсчета и принципиально способное к усмотрению абсолютной истины.

Кроме того, отметим, что успешное развитие естественных наук того времени привело к экстраполяции соответствующей методологии на анализ общества, что способствовало определенному пониманию социальной реальности и происходящих в ней процессов. В качестве примера можно привести структурно-функциональную модель, где в значительной степени было актуализировано политическое и экономическое измерения власти. Тем самым задается проблемное поле социальных явлений, которое и определяет характерный для классической парадигмы ракурс исследования власти в первую очередь как явления политического. Она рассматривается в свете проблем, связанных с устройством государства, функционированием социальных институтов, в связи с вопросами эффективной организации управления, с феноменами лидерства, насилия и господства.

Принципы данного типа философствования являются определяющими в том, что в его рамках власть понимается как феномен, разумный в своих основах и, конечно же, доступный рациональному познанию. Ее существование обосновывается спецификой социальной организации и необходимостью сдерживать эгоистическую природу человека. Наиболее яркое выражение данной установки демонстрирует теория общественного договора. С одной стороны, основой такой установки является убеждение в целесообразности и рациональности устройства самой социальной сферы. С другой стороны, – глубинная уверенность в том, что посредством акта рефлексии возможно «схватывание» умопостигаемой связи вещей и возвращение к естественной данности некоторого очевидно-истинного положения дел. Как отмечает М.К. Мамардашвили, в социальном мышлении той эпохи проявляется основная посылка рационализма: «действительные отношения суть реализация рациональных отношений сознания или “рационально понятого интереса”»².

Становление постметафизической философии способствовало постепенному преодолению восходящей к Декарту модели сознания, которая задавала особый способ конструирования философского знания и самообоснования философии, а также повлекло за собой кризис философской рациональности, основанной на данной модели. В качестве ключевых оснований данного эпистемологического перелома следует назвать, во-первых, кризис идеи автономного рационального субъекта. Отныне субъективность и интенциональность больше не считаются чем-то первичным, а предстают как функция языковых систем и форм жизни. Они являются элементами мира, раскрытого в языке. Во-вторых, упраздняется оппозиция субъекта и

объекта, поскольку, с одной стороны, объективные факты с неизбежностью оказываются субъективно интерпретированными, с другой стороны, мы сущностно принадлежим этому миру, что, в свою очередь, является условием возможности познания «внешнего и противостоящего нам» мира.

В связи с этим нерелевантным становится понимание знания как отражения познающим субъектом противостоящего ему мира объектов, к тому же осознается узость естественнонаучных идеалов его построения. К примеру, Ж.Ф. Лиотар дает определение знания как «...компетенции, которая выходит за рамки определения и применения истины как единственного критерия»³. В свою очередь, познавательное отношение к миру не исчерпывает всего многообразия взаимодействия человека с миром.

В.С. Швырев добавляет еще несколько характеристик неклассического типа рациональности – открытость и диалогизм⁴. В рамках социальных наук они предполагают существование различных теорий, описывающих определенный круг социальных явлений, но в то же самое время не претендующих на безусловную правоту и исчерпывающее описание. Свидетельством тому является существование нескольких концепций власти: археологической, психоаналитической, семиологической и др.

Причиной названных изменений, происходящих в философии, науке и культуре в целом, является новая социокультурная реальность, становление которой связано с переходом общества к новому этапу своего развития. В качестве его ключевых основ в американской и западноевропейской социальной теории (Э. Тоффлер⁵, Ю. Хабермас, П. Бурдьё⁶) указываются, во-первых, новый тип экономики, основанной на информационных технологиях и в которой резко повышается значимость знания и информации. Во-вторых, – процесс глобализации, при котором символические практики начинают играть ведущую роль по сравнению с практиками производственными, связанными с богатством и принуждением. Меняются социальные связи и отношения, а вместе с тем формируется и новый тип мышления.

В свою очередь, ряд изменений характеризует и сферу социальных наук. Они отходят от метафоры общества как организма и понимают его как сеть социальных практик, сферу повседневности. Происходит переосмысление концептуальных оснований, которое приводит к расширению смыслового и тематического поля анализа общества и власти, к рассуждению о прежних проблемах с использованием новых категориальных структур. Если общество в современной социальной теории понимается как символически структурированная реальность, в которой именно символические обмены играют определяющую роль, то и при анализе феномена власти акцентируется его символическая составляющая. Причем заметна тенденция истолкования символического как выходящего за рамки лингвистической модели. Им может быть все: как система мироотношений и притязаний на значимость, деньги как символический медиум коммуникации (Ю. Хабермас), так и дискурсивные практики, которые воплощаются в институтах, схемах поведения (М. Фуко).

В свою очередь, если общество понимается как символически структурированный жизненный мир, то совершенно по-иному дается определение субъекта социальной деятельности. При выявлении его характеристик в центре внимания оказываются не столько его способность к преобразованию мира и господству над ним и не процесс его предметной деятельности, сколько другие формы самовыражения (например, коммуникативные навыки).

Утверждение нового типа философствования, а также изменение принципов проведения социальных исследований привело к коренной трансформации понятия власти. Обнаруживается недостаток эвристичности использования субъект-объектной схемы для объяснения этого сложного социального явления, где оно предстает как целенаправленное, сознательное, волевое воздействие.

В рамках неклассической парадигмы четче прописывается идея анонимности власти, поскольку обнаруживается тот факт, что сам субъект является продуктом игры различных ее сил, проявляющихся в процессе социализации. Кроме того, поскольку человеческая субъективность не рассматривается как «чистая», познающая инстанция, находящаяся вне каких-либо систем отсчета и способная к усмотрению абсолютной истины, постольку в своих глубинных основаниях власть не доступна рациональному познанию.

Для современной социальной теории заметной является тенденция не связывать феномен власти с конкретным ее обладателем – человеком, институтом и т. д. Все социальные явления пронизаны ею (идея «полей» П. Бурдье, «социальные практики» М. Фуко, идея Х. Ортеги-и-Гасет о существовании нескольких сил «духовной власти» в обществе⁷, семиотические теории Ю.М. Лотмана и Р. Барта). Под сомнение ставится суверенность «сознания» и «субъективности» и традиционный подход, согласно которому в центре внимания оказывались познание, деятельность индивида, но в то же время телесные и языковые практики оставались в стороне.

Таким образом, для неклассического типа рациональности характерным является отказ от жесткого противопоставления субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, от признания единого центра концентрации власти в лице государственных, социальных институтов либо человека. Было актуализировано исследование таких измерений власти, как ее связь с языком, литературой, знанием и в целом с процессом социализации. Отдельным направлением анализа становятся формы и методы принуждения, осуществляемые помимо сознания человека.

¹ См.: Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992; Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994.

² Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия и наука. М., 1972. С. 28–95.

³ Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М., СПб., 1998. С. 14.

⁴ См.: Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности. М., 1995. Т. 1. С. 97–120; Швырев В. С. Проблемы философии образования и современная неклассическая рациональность // Мир психологии. 1999. № 3. С. 189–205.

⁵ См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002.

⁶ См.: Бурдье П. Символическое пространство и символическая власть // Начала. М., 1994.

⁷ См.: Ortega y Gasset J. Misión de la Universidad y otros ensayos sobre educación y pedagogía. Madrid, 1999; Ortega y Gasset J. Sobre el poder de la Prensa / <http://www.piedraverde.com/ortega/textos/oygmisi.htm>

Поступила в редакцию 02.06.2003.

Марина Николаевна Голубева – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Я.С. Яскевич.

О.Г. ШАВРОВА

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ Г.-Г. ГАДАМЕРА И П. РИКЕРА (ОПЫТ СИТУАТИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Предлагается анализ концепций культурной традиции представителей современной философской герменевтики Г.-Г. Гадамера и П. Рикера. Обосновывается методология исследования процессов и явлений социокультурной жизни.

The paper analyses of the concepts of cultural tradition by Gadamer and Ricoeur, representatives of modern Philosophical Hermeneutics. The author substantiates the methodology of learning processes and phenomena of social and cultural life.

Глобализационные процессы, являющиеся сущностной характеристикой современного мира, обостряют значимость как сохранения многообразия уникальных культурных традиций, так и их взаимопроникновения и взаимо-